

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ИНСТАНЦИИ В ПОВЕСТИ "КОТИК ЛЕТАЕВ" АНДРЕЯ БЕЛОГО

© А.Х.Вафина

В статье рассматривается множественность повествовательных инстанций, составляющих нарративную конструкцию повести А.Белого "Котик Летаев", определяется степень авторских полномочий, делегируемых нарратором, выявляются смысловые и структурные доминанты в тексте, позволяющие прояснить характер их взаимосоотнесенности относительно друг друга.

Ключевые слова: автор, адресат, повествовательная инстанция, нарратор.

В повести "Котик Летаев" повествователь обрамляющей истории (первичный нарратор) выступает как эксплицитный тип адресанта, который презентует собственное детство. Вместе с тем в его истории объективируется, обнаруживается ребенок (Котик), выступающий в качестве героя-повествователя. Однако первичный нарратор, несмотря на его "выявленность" в тексте ("Я" повествую о себе) предстает "более сниженным по сравнению с абстрактным автором" [1: 65]. Подобное осложнение повествовательных инстанций В.Шмид объясняет "гипертрофией" двух противоположных стилевых тенденций – "литературности", проявляющейся больше всего в "орнаментальной" прозе, и "характерности", воплощающейся с наибольшей полнотой в сказе" [1: 41].

Очень часто повествуемое мотивируется не только личной психологией нарратора, перед нами игра со стилистическим рисунком текста, что "исключает психологическое единство личностного нарратора" [1: 42]. Если в повествовании взрослого нарратора читатель не обнаруживает целостности воспоминания, то в изложении Котика-ребенка ему не удастся выявить изначальной осмысленности собственной жизни, скорее, наоборот, в каждом конкретном случае ребенок апеллирует к опыту реципиента, задавая вопросы, на которые сам не может найти ответа: "– Как?.. Зачем?.. – Почему?.." [2: 323].

Неповторимую же уникальность нарратологической конструкции текста обеспечивает возможность встречи двух повествовательных инстанций, их потенциального диалога, который задается в самом начале произведения. Описывается это как встреча двух сознаний – взрослого и детского: "Прошлое протянуто в душу: на рубеже третьего года встаю пред собой; мы друг с другом беседуем; мы понимаем друг друга" [2: 311]. В данном отрывке выявляется несовпадение нарраторской и авторской коммуникаций, темпоральный рисунок авторской коммуникации

оказывается шире. Повествование Котика начинается с описания момента рождения героя, а впоследствии по мере развития сюжета обнаруживаются его интуитивные воспоминания о "дотелесном" бытии. Тем самым время автора включает в себе не только реальное время первичного нарратора и более расширенное время вторичного нарратора, но и время мифологическое. Автор диалогически расщепляет тему, создавая у читателя ощущение, что мысли тесно в пределах монологического повествования.

Диалог у А.Белого пронизывается интонацией обращения, приводящей порой к прямому "рециплированию чужого слова" [3: 130]; в пределах небольшого отрезка сопологаются две повествовательные инстанции: "– Что это?.. Так бы я сгустил словом неизреченность восстания моей младенческой жизни" [2: 312]. Здесь представлены два субъекта речи: Котик-ребенок и взрослый нарратор. Автор предоставляет своему адресату определенные ориентиры для разграничения двух повествовательных инстанций. Слова ребенка переданы через прямую речь (они оформлены при помощи тире), включенную в размышления взрослого нарратора, слова которого содержат комментарий к высказыванию ребенка.

Подобная реализация субъект-объектных отношений в тексте раскрывает читателю их условную, игровую природу. Однако данная игра не самоценна, речь ребенка оказывается для нарратора не только содержанием, но и способом экзистенциального диалога: с одной стороны, нарратор разыгрывает (или имитирует) "варианты" целостности и смысла (пробует разные возможности сообщения своего опыта), с другой стороны, он сам оказывается заложником ситуации воспоминания. Возникает своеобразная ситуация остранения: слова Котика-ребенка и нарратора предстают как изображающими, так и изображенными.

Высказывания первичного нарратора опосредуют высказывания вторичного нарратора, благодаря чему в восприятии читателя формируется представление об имплицитно двуголосом авторском высказывании. Будучи по своей внешней форме последовательным монологическим высказыванием двух повествователей, текст по существу становится диалогической встречей двух повествовательных инстанций, что декларативно утверждается уже в "Предисловии": "...передо мной – первое сознание детства; и мы – обнимаемся:– Здравствуй, ты, странное!" [2: 311]. Здесь вырабатывается понимание другого не столько как объекта, сколько как субъекта, условия существования "Я". При этом взаимоориентированность "Я" и "Другого" дорастает до взаимообратимости их ролей. Поразительная особенность изложения заключается в том, что "Другим" оказывается сам субъект речи, а "Я" становится его собеседником: "...ты мне виден, младенец... – ты как я <...> мы друг в друге <...>; самосознание в объятиях наших" [2: 311].

Данная повествовательная конструкция становится возможной благодаря наличию высшей инстанции – авторской. Здесь позиция автора выявляется (если воспользоваться определением М.Бахтина) как "внежизненно активная", "дарующая другому жизнь", позволяющая ему стать "я", осознающим собственное "Я" как "Я" "Другого". Прямое обращение взрослого повествователя к младшему в самом начале "Котика Летаева", задавая тон всему произведению, теряя характер условности, превращается в условие диалогизации текста. При этом адресат данного отрывка, хоть и представлен имплицитно, выступает активным собеседником.

Данный диалог двух повествовательных инстанций одновременно вовлекает в себя и восприятие нарратора, поскольку первичный нарратор, высказывая свою мысль, апеллирует к читательской оценке. Такое повествование, где нарратор воображается как активный собеседник, М.Бахтин относит к "активному типу" "двуголосого слова" или "слова с установкой на чужое слово" (т.е. слова, в котором одновременно "слышны" две смысловые позиции [4: 90]): "в активном типе оно (двуголосое слово – А.В.) воздействует на речь нарратора, "заставляя ее соответствующим образом меняться под его влиянием и наитием" [1:103].

Очень часто повествовательные инстанции в тексте, отличающиеся неслиянностью субъектов речи, находят отражение в визуальной оформлении текста. Для читателя подобная кодировка нарратива содержит имплицитную информацию о том, какое представление имеет нарратор о

компетентности и нормах своего адресата. Смена повествовательных инстанций в данном случае оформляется зрительно в виде отточий:

*"В то далекое время "я" не был... –
– Было хилое тело <...>*

.....

Образовались мне накипи: накопала мне теплота, и я мучился красным исжаром" [1: 313].

Отточие ориентирует читателя в изображаемом мире, маркируя смену субъекта речи: повествование переходит от внешней повествовательной точки зрения нарратора к внутренней описательной точке зрения ребенка. Если в речи взрослого нарратора присутствует оценочность происходящего события, то в речи ребенка в силу отсутствия опыта оценочный момент не выявляется. Следовательно, смена повествовательной инстанции маркируется и стилем изложения.

Весь процесс повествования оказывается в повести процессом "со-воспоминания – сотворения". Именно в процессе творческого воспоминания происходит опосредованная связь между детским и взрослым сознанием нарратора. Так, одним из наиболее ярких примеров несовпадения точек зрения двух повествовательных инстанций выступает в "Котике Летаеве" освоение ребенком окружающего его нового, незнакомого мира через образы действительности. Классическим примером в литературе о А.Белом служит эпизод со "Львом", когда происходит осмысление объекта через принцип контаминации. Поскольку детскому опыту не знаком предмет "Лев", нарратор-ребенок выстраивает образные соответствия на примере уже известных ему фактов: лев – это хищник. Основной смысл данного слова связан для него со страхом:

"<...> передо мной маячит косматая львиная морда <...>; крик стоит:

– Лев идет..." [2: 325].

Здесь читатель сталкивается с речевым опытом, приобретенным ребенком. Изначально для Котика слово оторвано от действительности: в сознании ребенка слово адекватно образу, метафорическое определение ему еще недоступно ("*Крик стоит: Лев идет*" [2: 325]).

Данный пример можно определить через понятие "примитивистские языковые структуры", в которых каждый предмет получает отдельное наименование [5: 23]. Маленький Котик воспринимает слово "*Лев*" как имя собственное, но не осознает его как имя нарицательное. В сознании ребенка услышанное "*Лев*" не прилагается к конкретному предмету или лицу, "*Лев*" есть сам предмет.

В следующей подглавке читатель воспринимает события уже с временной позиции "тогда".

Заслуживает внимания само название подглавки, в котором содержится указание на смену ракурса видения: "Через двадцать лет – через тридцать два года":

"Через двадцать лет сызнова Лев стоит предо мною" [2: 328].

Теперь это – "санбернар" по кличке Лев. Однако, несмотря на предельную конкретность, в повествовании (через двадцать лет) одновременно с реалистической картиной изображаемого выделяется и мифологический пласт. Во-первых, он раскрывается в трехкратных повторениях. Герой встречается с собакой три раза, каждая из этих встреч сопровождается мотивом смутного непреодолимого страха. Если в повествовании ребенка этот страх объясним состоянием неопределенности перед неизвестным, то в изложении взрослого нарратора вторая и третья встречи знаменуют собой разрушение мифа.

Описывая вторую встречу, нарратор повествует о себе как герое события ("Я" – герой "моей истории"):

"Очень скоро впоследствии <...> встретил я желтого санбернара <...>

Но душа глухо дрогнула:

– "Лев" идет: близко знаменье" [2: 328 – 329].

Встреча со Львом вызывает к воспоминаниям: страх перед "Львом" передается дословной репликой из прошлого. Третья встреча знаменует отсылкой к конкретным последствиям встречи: *"В третий раз появился он: встал воочию и угрожал мне, погибелью..."* [2: 329]. Многоточие в конце предложения отсылает реципиента к символическому знаменю – воспоминанию о детстве.

При описании данных "встреч" автор прибегает к *импрессивной* функции (В.Шмид) как к одному из особых видов аппеллятивной функции. В восприятии слова "Лев" взрослым нарратором подчеркивается преемственность ощущений: от "Я"-ребенка к "Я"-взрослому, что позволяет нам утверждать значимость не только семантических, но и синтаксических средств изображения в тексте.

Наличие двух повествовательных инстанций говорит об отношениях взаимодополняемости между ними. Нарратор-ребенок и нарратор-взрослый находятся в отношениях относительной дискретности. Проследить это можно на следующем примере, когда автор доказывает различие мыслительных процессов, протекающих в сознании взрослого и ребенка:

*" <...> В кабинете стен нет: вместо стен – ко-
решки,*

за которые папа ухватится: вытащить переплетенный и

*странно пухнувший томик: вместо томика в
стене – щель;*

и уже оттуда нам есть: –

*– проход в иной мир: в страну жизни ритмов,
где я был до рождения и оттуда теперь выни-
маю я пальчиком... паутинник<...>"* [2: 359].

В пределах данного предложения обнаруживается одна ситуация – наблюдение за тем, как папа достает книгу с полки, и две временные проекции в ее восприятии: "тогда" и "теперь". Наррация ребенка, в которой обнаруживается опыт до-телесной памяти, определяет проекцию "тогда". В восприятии Котика-ребенка пустое пространство на месте книжного томика "преобразуется" в *"проход в иной мир: в страну жизни ритмов"*. Данное преобразование вполне логично и вписывается в серию бесконечных провидений, обнаруживаемых на протяжении всего повествования от лица ребенка, поскольку в детском осмыслении (как следует из текста) внешние границы реального мира (стены, двери, коридоры) представляют собой лишь условность, за которой легко обнаруживается "запредельный" мир. Этот эпизод с детским "провидением" позволяет автору репрезентировать возможность максимального приближения к определению трансцендентального обозначаемого посредством интуитивного восприятия. Однако парадоксальность примера состоит в том, что в пределах одного предложения детское восприятие сталкивается с контрастирующим восприятием взрослого нарратора. Осознанная попытка взрослого Котика увидеть проход в страну жизни ритмов" оказывается в данном примере тщетной: в образовавшейся пустоте он нащупывает не "щель", а паутину.

Сосуществование в пределах одной законченной смысловой единицы интуитивного восприятия (для автора – это сознательный процесс) с осознанным волевым усилием (проекция "теперь") выявляет в повествовании проблему "память о памяти", представление которой в тексте делегируется автором взрослому нарратору. Подобная проекция позволяет оправдать обращение А.Белого к детскому воприятию¹. Коррелируя две точки зрения на одну ситуацию в рамках одного смыслового целого, автор показывает несостоятельность взрослого мира перед вечным мирозданием и в связи с этим необходимость об-

¹ О наличии в произведениях А.Белого разной проекции на изображаемое пишет Н.А.Кожевникова: "Персонажи Белого раздваиваются, совмещая в себе противоположные сущности (звериное – божеское, мертвое – живое, старческое – младенческое, гармоничное – хаотическое, преступность – святость и т.п." [6: 164].

ращения к миру детства для выявления "сказки в прозе вещей".

*****

1. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.
2. Белый А. Котик Летаев // Белый А. Серебряный голубь: повести, роман. – М.: Современник, 1990. – С.309-459.
3. Грехнев В.А. Болдинская лирика Пушкина. 1830 год. – 2-е изд. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1980. – 288 с.

4. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 2000. – Т.2: Проблемы поэтики Ф.М.Достоевского. – 799 с.
5. Ницше Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М.: REFL-book, 1994. – Т.1. – М., 1994. – 352 с.
6. Кожевникова Н.А. А. Белый как филолог и художник (о факторах формирования идиостиля // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей / Ин-т рус. яз. РАН; отв. ред. В.П.Григорьев. – М.: Наследие, 1995. – С.163-176.

THE NARRATIVE INSTANCES IN THE STORY "KOTIK LETAEV" BY ANDREY BELY

A.H.Vafina

The article deals with the problems connected with the definition of the author's role in the communicative chain in which the information is transferred from the author to the reader.

Key words: author, addressee, narrative instance, narrator.

*****

Вафина Алсу Хадиевна – ассистент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: alsu_vafina@mail.ru

Поступила в редакцию 04.10.2010